

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю

Приложение к газете "Вперед" № 11, август 1995 года

Печи Абрамцевские

К 75-летию Государственного историко-художественного и литературного музея-заповедника "Абрамцево"

- Что это за изразцы? - спросила я реставратора Абрамцевского музея-заповедника В. А. НЕВСКОГО, глядя на кучу обломков, лежащих посреди его комнаты-мастерской.

В ответ услышала такой расказ:

- Я приехал в Абрамцево в 1959 году. До этого после окончания искусствоведческого отделения Академии художеств в Ленинграде три года работал в Саратовском музее, а потом стал работать в Абрамцево научным сотрудником.

- Вот как-то тогдашний директор музея Н. П. Пахомов приехал из Москвы и рассказал, что дом С. Мамонтова на Садово-Спасской, построенный по проекту М. Врубеля, находится в ужасном состоянии. Дом был заселен жильцами, потом его освободили, решив отдать под детский сад. Идут ремонтные работы, а в доме каминные работы Врубеля. Они мешают и могут погибнуть или уйти в чужие руки. Ничего не дали обращения в Институт истории искусств Академии наук СССР, в Министерство... Нужны деньги, чтобы снять камин, а денег нет.

- Давайте я сниму, - говорю директору.

- А сможете?
- Я никогда этим не занимался, но тут ответил:
- Смогу.

На другой день поехали в этот особняк. Там строительные рабочие орудовали, окна, как водится, выбиты. Вошел. Стоят врubeлевские каминные, великолепные, но грязные, побитые, погоревшие. К одному груду кирпичей набросана. Когда их сгружали, камин побили. На полку другого каминя кувалда брошена... Страшновато стало. Вижу полное небрежение и непонимание. Решил - домой не поеду, буду здесь нечехать. Переночевал на куче шлаковаты. Утром приезжает бригада рабочих. Говорю прорабу:

- Я с вами буду работать. Камини разбирать.

- Для кого? - спрашивает.

- Для себя или для начальства?

- Для музея.

Объяснил, что и как. Оказывается, именно на этот день заказал прораб бригаду перфораторщиков.

- Мы бы твоего Врубеля под врubeвку и в отвал.

Часа через полтора приехала бригада ломать камини. Хотя они стояли на учете как памятник искусства. Да ведь это на бумаге. Поташили рабочие шланги, отбойные молотки. Прораб им говорит:

- Мужики, не будет сегодня работы. Тут из музея приехали.

Ну они его понесли:
- А ты нам наряд подпишешь?

- Как я подпишу, когда работа не сделана?

- А тогда давай, пошли, потанцуй.

Тут я вышел:
- Есть у меня 8 рублей, говорю. Надо эти деньги пропить.

Немного полопались работяги - нас, мол, много. Но я у прораба спросил, где здесь достать можно. И быстро ваську водки принесли. Угостил я их, и они уехали благополучно. Тут я Бога полагалодарил, что нечехать осталось. Ведь один день все решил. Уехал бы я, и камини бы погибли безвозвратно.

Ну, сделал я рисунок, обмеры, сфотографировал все, как положено. Месяца за полтора разобрал. Привезли камини в музей. Тут я и стал заниматься реставрацией. Прошел стажировку в реставрационных мастерских по керамике. Очень я рад, что стал реставратором. Когда смотришь, как искусствовед, это одно. А когда работаешь свечью, держишь ее в руках, вещь начинает разговаривать, тихонько так. Что-то открывает. Теперь передо мной проблемы встают не теоретически - умозрительные, а вполне конкретные.

Эти камини установлены в студии-мастерской, а часть в фондах находится. С самого начала, как я приехал в Абрамцево,

заинтересовало меня, что за фанерный ящик стоит в углу парка среди лопуков и крапивы. Узнал, что там законсервирована скамья, сделанная Врубелем. Выбрал я денек, когда не было посетителей, перелез через забор из сетки (ящик был им отгорожен). Вижу, одна фанерка оторвана, торчат гвозди. Стал "выныриваться" туда. Забрался, отпустил фанерку, а она как хлопнет. Смотрю, весь потолок фанерного ящика улеплен гнездами шершей! Я же накануне прочитал в каком-то журнале, что одновременный укус трех шершей может быть смертелен для человека. Но выхода у меня не было. Сразу не выскочил, гвозди мешают. Я замер и просидел неподвижно около часа. Шершни по мне ползали, ползали, но я не шевелился. Они и успокоились.

Осмотрелся я - руины, кирпичи битые, мши сухие. Протянул руку, стер пыль, и вдруг засияла прекрасная полва: луч света пробивался через дырявую крышу. Озарение какое-то произошло: только что смерть была рядом, а тут такая радость. Луч света трекляги и разорения.

Стали мы приглашать специалистов из разных организаций. Непросили они большие деньги за реставрацию - миллион. По тем временам, а это 60-е годы были, сумма огромная. Конечно, работа того стоила. Ведь надо было большие исследования проводить, целая лаборатория нужна. Опята реставрации керамики, хранившейся на открытом воздухе, тогда почти не было.

Но денег таких не оказалось. Потом еще приглашали керамиков-практиков. Они говорят:

- Нет, нельзя восстановить. А давайте мы все разберем и новую скамью поставим, еще лучше.

Ну, вы знаете, что значит для музейного работника "еще лучше". Отказали им. И стал я думать, как быть, как

этот барьер преодолеть. Стал искать подлиннее изразцы в окрестностях взамен утраченным. В основном удалось раскопать.

- Как? Это особый разговор.

Недостающие изразцы сделал в керамической мастерской XVIII века художественно-промышленного училища замечательный мастер В. М. Серегин.

Начал я фундамент под скамью делать. И стали попадаться осколки изразцов середины XVIII века на глубине примерно полутора метров. Как мог такой культурный слой за это время нарасти? Полтора метра! А оказывается, часть земли была насыпана. Мамонтов сделал на пологом склоне насыпь, на ней построил студию-мастерскую и скамью. Руководил земляными работами мастер Тяньон, француз, гувернер детей Мамонтова. И этот участок сада, где была поставлена скамья, стали называть "Тяньонов нос".

Когда Мамонтов купил дом, то понадобились значительные переделки. Строительный мусор вывозили в места засыпки. Конечно, при Аксакове были печи XVIII века. Но еще при нем, он писал об этом печи прогорели, дом стал полами. Нужен был ремонт. Да после Аксакова дом 11 лет

простоял без хозяйки... Вот при Мамонтове и выбросили мусор с осколками изразцов. Драгоценными осколками - по ним можно определить, что за печи были в доме при Аксакове. Между прочим, С. И. Мамонтов несомненно изразцов сохранил. Они были в музее, только никто не знал их происхождения.

Я делал шурфы. Нашел много осколков. И зародилась у меня мечта-найти пещ середины XVIII века, чтобы поставить ее в литературном отделе музея, в аксаковских покоех. Ведь пещ это очень теплый, домашний экспонат, органически принадлежащий дому.

Став искать в Загорске. Разделил город на секторы и каждый выходной день ходил, спрашивал. Сначала отвечали доброжелательно, потом недоверчиво, немногословно. Наконец, один мужик пообещал мне ребра переломать, если еще ходить буду. Видно, принялся за жулика или наводчика. Я подумал: если что случится - пожарю или кража, меня обижаят. Решил я, что не судьба, и прекратил эту деятельность.

Но вот однажды сижу здесь, работаю, приходит молоденький лейтенант пожарной безопасности.

- Элях тропилетка? Не положено. Лампочка 500 ватт? Не положено. Курите? Не положено. Пользуетесь легковым сплавом якими мися жидкостями? Какими?

- Ацетон, спирт...

- Ах, спирт!

- Да, это изопропиловый спирт, его пить нельзя.

- Я не об этом. Он горит?

- Горит.

- А сейф для ЛВЖ у вас есть?

- Нет, все никак не достанут...

- Вот вы и залетели рубчиков на 80.

А я тогда получал 120. И вдруг меня осенило. Говорю:

- Знаете, я заплачу, виноваю. Но вот у меня какая работа. И рассказываю все про Аксакова, про пещи... Вы ведь все проверете, говорю, по пожарной части. Можете, знаете, у кого есть изразцовая пещ?

Ему я очень понравился. Пожарник ведь не очень любит. А тут он, пожарный, вдруг стал человеком, интересным для музея, для культуры. Сказал, что работает недавно, но поспрашивает у других пожарных. Через неделю звонит.

- Записывайте адрес.

Я приехал и обомлел. Две пещи того же времени и той же мастерской, что и пещи в аксаковском доме. А дом, в котором пещи, был напротив Дворца им. Гагарина. Его я потом выяснил - построил лесопромышленник Шариков. Дом на сносе шел, люди выселены. Но две старухи внизу - как раз, где пещи - не выезжают. Всем дали новое жилье, а им за выслетением неперспективные они. Старухи же уперлись, не выезжают.

Я к ним частил. Давайте, говорю, я разберу пещи и сделаю вам хорошую пещку. Тем-то пещи уже нельзя было пользоваться. Они ни какую: грязи тут навезешь, а нам все равно здесь не жить. Вот уж выселят... Дождался я, когда им, наконец, жилье дали, какое их устроило, ключи в руки, выхожу к пещи. Реставрировал их. Они пока в фондах. А несколько изразцов на выставке в бывшей кухне. Одна пещ полихромная, букетная. Другая монохромная, сюжетная, роспись марганцем, красноричиновая (см. снимки - ред).

А потом вдруг прошел слух, что в Москве... в комиссиях появляются стали изразцы первой половины XIX века. Выяснил я-из Ниловой пустыни изразцы, с Селигера. Там была устроена в монастыре детская колония, потом турбазы. Приезжали туристы. Стали варварски грабить, ломать пещи. Надо ведь каждому сначала разобрать, а потом уж изразцы снимать.

Поехал я туда в экспедицию. Удалось добыть то, что не смогли вывезти "любители превращения". Это заспано кучками битых изразцов, что в стены замуровано. Все осколки собрал. Это компьютерная работа - их складываем.

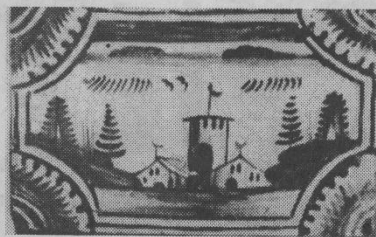
Почему меня это заинтересовало?

Сын Сергея Тимофеевича Аксакова, Иван, женившись на дочери Тютчева, хотел жить в Абрамцево и писал, что купил изразцовый камин, собирается поставить в доме. Осколки таких изразцов, как на Селигере - белых с синим, с вазами и букетами тоже находили в земле Абрамцево. Из того, что привезли с Селигера, можно сконструировать пещ. А вы тут на полу остатки таких изразцов видите.

Вот такой расказ я услышала и записала.

Т. СМИРНОВА,

9 августа 1995 года.

редкая книга

ВОЛКОВ Сергей

Последние у Троицы: Воспоминания о Московской духовной академии (1917 - 1920). М.; СП(б), 1995. 320с.

"Уникальные воспоминания С. А. Волкова посвящены драматическим событиям последних лет существования Московской духовной академии (МДА), находящейся "у Троицы", т. е. в стенах Троице-Сергиевой Лавры. Это был один из крупнейших центров духовной культуры дореволюционной России, оказавший серьезное влияние на развитие русской религиозной и философской мысли. Автор рассказывает о своих встречах с П. А. Флоренским, Е. А. Воронцовым, С. С. Глаголевым, М. М. Таревым, патриархом Тихоном и многими другими, ставшими легендарной еще при жизни..."

К этим сухим строкам из аннотации хотелось бы добавить следующее: вышла в свет долгожданная книга. Читается с большим интересом, потому что и имена в ней встречаются знакомые, и малоизвестные события описываются подробно, зримо, талантливо.

Книга напечатана на средства историка и писателя Андрея Никитина - человека долго и близко знавшего С. А. Волкова. Он же автор вступительной статьи с интригующим названием "Хранитель предания". Хорошо сделанная литературная запись воспоминаний сопровождается подробными примечаниями, сносками и именным указателем.

Тираж книги всего лишь 1000 экземпляров. Так что, уважаемые книголобы, спешите ее приобрести. Через месяц-другой она станет библиографической редкостью, а с годами - тем паче.

Книгу С. Волкова "Последние у Троицы" можно купить в киосках "Лавка журналиста" - у Дворца культуры им. Гагарина и Белого пруда; киосках историко-художественного музея-заповедника; а также на выставке "Загорчани в годы Великой Отечественной войны", расположенной в Малом зале Дворца культуры им. Ю. Гагарина.

В 20-х и даже еще в 30-х годах нашего века Загорск - бывший Сергиев Посад, затем город Сергиев - оставался явлением исключительным для посвященных. Маленький зеленый городок, веками славившийся под сенью величественных стен Троице-Сергиевой лавры, куда в 1814 году была переведена преобразованная митрополитом Платоном (Левшиним) Московская духовная академия, прямая наследница знаменитой Славяно-греко-латинской академии, к началу XX века стал играть роль одного из главных духовных и религиозных центров России. Он притягивал не только богословы, писатели, художники, ученые. Здесь они оседали: одни - на время, другие на всю оставшуюся жизнь. Их влекли древние храмы православной обители, редкие по красоте окрестности, уют и тишина провинциальной жизни всего в двух часах от Москвы. Привлекало уникальное собрание древних рукописей, четвертая по величине и значению для России научная библиотека, но, в первую очередь, та духовная элита, которую являл собой профессорско-преподавательский состав Академии. Лекции читали лучшие знатоки церковного права, знатоки древних языков, богословы, историки Церкви, специалисты по литургике и религиоведению. Большинство их жило в Сергиевом Посаде в собственных домах, подобно семьям белого духовенства и родственникам монашествующих.

Было и другое немаловажное обстоятельство. С конца 1917 года Сергиев Посад стал местом ссылки части петербургской и московской аристократии, интеллигенции, либеральной буржуазии. На его улицах можно было встретить бывших камергеров, фрейлин, журналистов, давно вышедших в отставку генералов, кинодиректоров и промышленников, деятелей земства и членов Государственной думы. В этом удивительном мире на переломе двух эпох оказался молодой Сергей Александрович Волков.

Он родился 19 февраля 1899 года (по старому стилю) в селе Маврино Богородского уезда Московской губернии.

На снимках:

- Чертоги. Вид до реставрации. Фото 1949 года (слева).
- Лития у памятника профессорам и преподавателям в день Годичного акта. Фото 1992 года (справа)

Отец его был крестьянин, мать - народная учительница. Семья оказалась не слишком благополучной: отец пил, уходил из семьи и умер, по-видимому, до 1917 года. Сын не любил о нем вспоминать. Мать умерла в 1935 году, и до конца ее дней он сохранял к ней удивительную сыновью любовь, а позднее - столь же нежную память. В Сергиев Посад семья переехала в 1909 году, видимо, в связи с поступлением С. А. Волкова в гимназию, которую он окончил в 1917 году, тогда же праздником для учеников и слушателей. По самой природе своей С. А. Волков был не исследователем, а хранителем Знания, очень рано ощутив, что на его долю выпало, может быть, самое ответственное дело в те трудные годы - собирать, хранить и передавать последующим поколениям сокровища мировой культуры, которые

Вряд ли я ошибусь, если скажу, что С. А. Волков был рожден именно для Академии с ее торжественным богослужением, сопровождаемым древними песнями, с поисками древней мудрости, чувством сопричастности всей мировой культуре и истории человечества, с удивительным слогом догматизма, порывом чистой веры и интеллектуального скептицизма. Это был мир в мире, сочетающий схоластику и экстаз, переплетающийся с позитивным знанием, раз навсегда утвержденный ритуал и бесконечную изобретательность - утонченной философской мысли; мир, требующий от человека не такой уж большой аскезы, но зато предлагающий взамен все сокровища человеческого духа. Вот эта тяга к знанию, врожденное чувство мистицизма, великодушная память и редкий дар слушать и слышать собеседника позволили бывшему студенту МДА и после ее закрытия остаться в среде наиболее ярких ее профессоров, будучи как бы их "общим кельяником", которому те поверяли свои мысли, делились воспоминаниями и надеждами. Так был им сделан первый шаг в смешанное и

одновременно изысканное общество Сергиева Посада.

Немаловажную роль при этом сыграло и следующее обстоятельство. С 1920 по 1954 г. С. А. Волков преподает в средних школах, ремесленных училищах и на различных курсах г. Загорска русский язык, литературу, историю СССР, зарекомендовав себя с первых же шагов педагогом "миостию Божией". Энциклопедическая память, прекрасное знание предмета и чувство языка делали его уроки и публичные лекции своего рода праздником для учеников и слушателей. По самой природе своей С. А. Волков был не исследователем, а хранителем Знания, очень рано ощутив, что на его долю выпало, может быть, самое ответственное дело в те трудные годы - собирать, хранить и передавать последующим поколениям сокровища мировой культуры, которые

больше, чем последующие годы учебы в МГУ.

Хорошо помню крохотную комнатку, бывшую комнату прислуги, в коммунальной квартире на четвертом этаже 4-го Дома Советов по проспекту Красной Армии, где Волков жил до самой своей смерти. Это была настоящая келья - четыре метра в длину и около двух метров в ширину. Дверь из коридора открывалась направо и внутрь, упиралась в полки с книгами. По правой стене стелажи тянулись почти до окна, оставляя место лишь для крохотного столика, на котором стояла лампа со стеклянным зеленым абажуром, чернильница и вазочка с карандашами. Тут же лежали стопки тетрадей, книги, а позднее стояла еще и старая пишущая машинка со битым шрифтом. Над столиком висели фотографии П. А. Флоренского, с семьей которого

ХРАНИТЕЛЬ

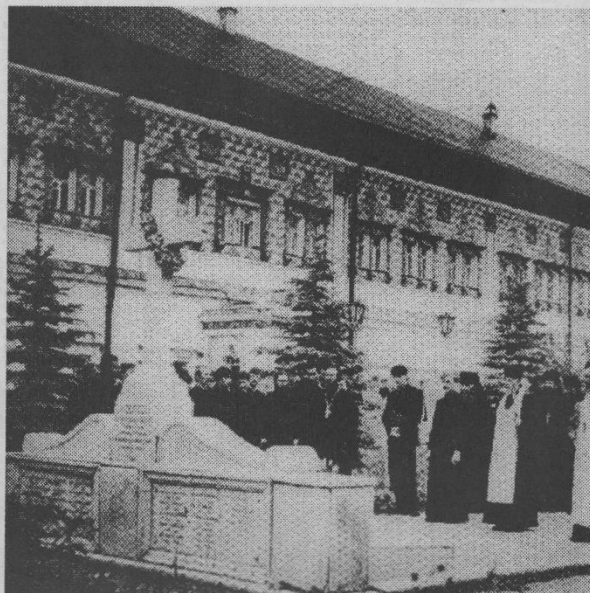
Волков был дружен и близок, несколько фотографий друзей молодости и портрет А. С. Пушкина.

Слева от входа, едва втиснувшись между стеной и притолокой двери, можно было видеть узкую железную койку, застеленную тонким шерстяным одеялом. Она упиралась в секретер карельского березы, откидная крышка которого служила для хозяйки и его редких гостей обеденным столом. За секретером оставалось место только для узкого и высокого шкафа. Справа, в большом отделении, висел выходной костюм и несколько рубашек; полки слева были заняты бельем, скудной обедыной посудой, но больше книгами, которые не предназначались для глаз случайных посетителей: Ф. Нише, Л. Шестов, Н. Бердяев, М. Гершензон, З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Философов, Р. Штейнер, Е. Блаватская, В. В. Розанов. Там же лежали тонкие книжечки стихов Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама и Вяч. Иванова.

Первые мои встречи с С. А. Волковым пришлось на страшные дни холодной и голодной зимы 1942-43 г., и от них в памяти почти ничего не сохранилось. Вскоре мы потеряли его из виду, и новая встреча произошла только через девять лет. С тех пор и до самой его смерти нас связывала искренняя дружба, насколько она была возможна при разнице в возрасте, творческих устремлений и обстоятельств жизни. Значение этой дружбы мне трудно переоценить. Исключительная в условиях провинциальной жизни тех лет библиотека С. А. Волкова, которой я мог пользоваться, а в еще большей степени - его бедный стали тем университетом, который в духовном отношении дал мне неизмеримо

Волков был дружен и близок, несколько фотографий друзей молодости и портрет А. С. Пушкина.

Слева от входа, едва втиснувшись между стеной и притолокой двери, можно было видеть узкую железную койку, застеленную тонким шерстяным одеялом. Она упиралась в секретер карельского березы, откидная крышка которого служила для хозяйки и его редких гостей обеденным столом. За секретером оставалось место только для узкого и высокого шкафа. Справа, в большом отделении, висел выходной костюм и несколько рубашек; полки слева были заняты бельем, скудной обедыной посудой, но больше книгами, которые не предназначались для глаз случайных посетителей: Ф. Нише, Л. Шестов, Н. Бердяев, М. Гершензон, З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Философов, Р. Штейнер, Е. Блаватская, В. В. Розанов. Там же лежали тонкие книжечки стихов Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама и Вяч. Иванова.

Над кроватью в изголовье висели гравюра Хирониса из серии "Виды города Эдо", несколько рисунков карандашом и маслом его учеников, в том числе изображавший А. С. Пушкина в Тригорском, и цветные репродукции П. Точа из "Ноянов", издания И. Г. Туевокомом. А на секретере, на столе в вазах и между стеклами на стене живописный садик красных и желтых листьев, которые хозяин так любил собирать во время прогулок, сушить и закладывать в книги вместе с лепестками цветов.

Единственное окно открывало вид на старый Конный двор, угловую Уточью башню Троице-Сергиевой лавры, на овраги, сады и березовые рощи, за которыми уже виднелись поля и перелески, подхваченные в те годы с этой стороны чуть ли не с камышными лагунами.

Скучен был послесонный быт, нищенским было наше существование, но какой контраст всему этому являли наши

стала в библиотеке С. А. Волкова отдельными годовыми комплектами "Аполлона", "Вестник", "Мира искусства", изданиями футуристов, драгоценными книжечками стихов А. Блока, Ф. Сологуба, А. Белого, М. Цветаевой, К. Балмонта, М. Кузмина и многих других. Именно здесь я их впервые листал, постепенно осознала, наследником какого национального богатства на самом деле являюсь. Наверное, так же это открывали для себя и другие ученики Волкова, для которых на его квартире тоже звались не симулированным только, но частью огромной мировой культуры, общего дела всего человечества. Среди полков "серебряного века" для Волкова на первом месте стоял "мэтр" - В. Я. Брюсов, чьи книги, вышедшие в издательстве "Скорпион", украшены были драгоценными надписями автора В. В. Розанову, дочь которого, Т. В. Розанова, жила здесь в дверь с Волковым на той же лестничной площадке.

мад, чтобы обращать внимание на кажущиеся разрозненными умом и сердцем... Умер он в Загорске 21 августа 1965 года.

В обширной русской мемуаристике, посвященной событиям первой четверти XX века, "Воспоминания о Московской духовной академии" С. А. Волкова, или "Finis Academiae", как называл их сам автор, занимают совершенно исключительное место. Они - уникальны. Их автор оказался единственным летописцем и бытописателем последних лет крупнейшего духовного центра России, которого мы практически ничего не знаем. Впрочем, томяно как же мы почти ничего не знаем и о русской Церкви, ее людях, их жизни, быте, не говоря уже о том огромном объеме идей, которые питают этот пласт нашей национальной (и мировой) культуры, а не только культуры.

Декрет об отделении Церкви от государства, принятый в январе 1918 года, принял

ных преобразовать и наше сознание, и нас самих.

Как показывает нам в своих "Воспоминаниях" Волков, Московская духовная академия была отнюдь не специальным духовным училищем. Скорее, она представляла собой центр, который направлял научные исследования в области философии, литургики, богословия, этики, филологии, древней гимнографии, осуществлял научные публикации самостоятельных исследований и переводов трудов древних и новых зарубежных мыслителей. Наряду со специальными, в Академии существовали кафедры истории, философии, филологии, истории древней и новой литературы. Ее окончание вовсе не обязывало выпускника к занятию духовным служением или получению вакантного места в той или иной епархии. Очень часто он продолжал свою научную или педагогическую деятельность на светском поприще, в университете или в гимназии.

Естественно, и обучение в Академии, и научная работа в ее стенах не должны были вступать в противоречие с догматами православия. Однако уже из рассказов С. А. Волкова о диспуте, происшедших при защите магистерских диссертаций, можно видеть, что в начале XX века православие и начало трансформироваться в нечто новое - величие научных открытий и философских течений современности. Можно утверждать, что начиная с 900-х годов Академия и сама русская Церковь пытались идти в ногу с развитием всего русского общества - в чем-то поспевая за ним, а чем-то даже его обгоняя. Особенно хорошо это видно из того круга чтения, который обеспечивали профессорам и студентам две академические библиотеки - фундаментальная и студенческая. Здесь были представлены труды по общественно-политическим и литературно-художественным журналам, зарубежная периодика, не говоря уже о современной поэзии и беллетристике. И здесь же на полках ждали читателей работы русских и немецких социал-демократов, анархистов, социалистов, сочинения К. Маркса, К. Кутского, Г. В. Плеханова, да же И. И. Менинкова и Е. А. Тимирязева, проводивших последовательную пропаганду дарвинизма и атеизма.

Из "Воспоминаний" Волкова мы с удивлением узнаем, что, создавая Церковь и последующие институты, Синоду, Академия боролась за свою независимость, за право выбирать своего ректора и редактора "Богословского вестника", официального печатного органа Академии; что значительная группа профессоров боролась против засилья монашеских и выступала против вмешательства в академические дела "князей Церкви". В ней преподавали люди, одновременно возглавлявшие кафедры в Московском университете, а список тем кандидатских диссертаций, который приводил Волков, - практически не отличается от университетского, превосходя его разве что более глубоким философским и социологическим анализом.

Наконец, мы узнаем, что в Академии в протяжении 1906-1908 гг. существовала своя студенческая организация с Исполнительным комитетом и Уставом, утвержденным академическим Советом. В своих мемуарах С. А. Волков рисует живой облик профессоров и студентов Академии, показывает их характеры, рисует только еще не человеческих слабостей. Можно подосадовать, что портрет человека часто ограничивается у него наброском случайной или юмористической ситуации, поскольку нам не с чем сравнить этот рассказ, нечем оценить истинность. Но и это объяснимо. Будучи приходившим студентом, Волков в те годы встречался со своими сокурсниками и наставниками

С. А. Волков

только на лекциях, на торжественных актах, на богослужениях или в коридорах Академии. Такие встречи не способствовали сближению. А после закрытия Академии разница лет и специфика интересов уже не могли дать больше материала мемуаристу. Приходится радоваться, что Волков записал хотя бы эти свои воспоминания, потому что они повторяют единственное, что написано об этих людях...

Основой каждого очерка портрета послужил короткий рассказ, малагающий тот или иной случай или ситуацию... Такими рассказами Волков иногда развлекал своих друзей. Отсюда идет законченность, отчетливость повествования и эффективность концовок, роднящие каждый рассказ с анекдотом. В устной передаче это подчеркивалось еще мимикой, интонацией и жестом. Мне неоднократно случалось слышать эти рассказы от их автора в разное время и в разной обстановке, с комментариями и даже дополнениями по тому или иному случаю. И я думаю теперь, что их отработанность на определенную аудиторию в конце концов помешала Волкову в последующие попытки литературного развития сюжетов.

Не будем слишком строги к нему. Он сделал то, что было в его силах, познаниям нас с людьми, считавшимся своеобразно сложившееся общество и Церкви. Не тому или другому в их раздельности, как то представляется нам естественным, а в их прежней неразрывности.

Какую закономерному выводу неизбежно приходит читатель, начинающий понимать, что стены Троице-Сергиевой лавры отнюдь не служили преградой ни для мира, стремившегося к знаниям и вере, ни для подвижников науки и веры, живших и работавших с мыслями об этом самом мире.

"Воспоминания" могут послужить связующим звеном между нашим прошлым и нашим настоящим. Отсутствие его отчетливо вынырнуло в момент празднования 1000-летия крещения Руси и общественно признания заслуг русской православной Церкви. Готовы к этому оказались только не наши, а Московские духовные академии и ее люди, мемуарист, по существу, рассказывает нам о том огромном культурном и научном значении, которое имели в начале века Церковь и религиозная мысль в России. Московская духовная академия, несмотря на свои специфические черты, была одним из ведущих центров духовной жизни общества, без

учета которых трудно, а зачастую и невозможно понять пути и тенденции его развития. В этой связи уместно напомнить слова П. Н. Каппера, которыми С. А. Волков завершает свой рассказ о последних годах МДА: "Она не была замкнутым учреждением, ведавшим лишь профессиональные нужды и наслаждавшимся лишь узким богословским образованием, а стояла в неразрывной органической связи с общим течением русской мысли и науки, занимая в нем одно из видных мест..."

Можно сказать о многом, что читатель найдет в мемуарах С. А. Волкова и что будет для него несомненным открытием. Главное же - они позволят ему задуматься не только о судьбе русской православной Церкви, но и о том, что терпит Церковь и общество, если между ними рухнет исторические связи. Потери с обеих сторон невосполнимы.

Естественный процесс сближения с обществом, который стал особенно заметен после февральской революции, был оборван декретом об отделении Церкви от государства. Он оторвал русскую православную Церковь на много столетий назад, помешав ей воспользоваться демократическими преобразованиями 1917 года и вернуться в путьную историю и расколов. Теперь, семьдесят с лишним лет спустя, мы начинаем осознавать ошибки, пытаемся их исправить, но сколько всего уже потеряно безвозвратно! Впрочем, гораздо страшнее потерь и поныне существующее непонимание значения Церкви и ее служителей в жизни общества, непонимание тех задач, которые стоят перед ними. Потому что сейчас вместе с Церковью к нам возвращается вся культура восточного (византийского) православия с его церковным обиходом, службой, литературой, философией, эстетикой и нравственностью, с огромной библиотекой, оставленной людьми, которые посвятили свою жизнь не только поискам истины, но и активному служению обществу и Человечу. Все, что нам еще предстоит критически осмыслить и освоить.

В заключение считаю долгом поблагодарить Е. А. Коневу за предоставление ряда материалов, использованных при подготовке к публикации мемуаров С. А. Волкова.

Август 1989 г.

(Напечатано с небольшими сокращениями - ред.)

Андрей НИКИТИН

ВСТРЕЧА

беседы, какой пир вы встречали меня каждый раз в этой крохотной клее, где жил, казался бы, заурядный преподаватель русского языка и словесности! Над Загорском прокатились страшные 30-е годы, потом не менее страшные 40-е, прежних собеседников друзей и учеников выкосили репрессии, война, голод и старость, жить было трудно, и, встретив на улице поодиночку, снующую фигуру преподавателя ремесленного училища в черной форменной шинели и черной шапке, несущего в старомоще скучный обед из столовой, кто мог подумать, что мысли его заняты воображаемым разговором с Писгоном или с Анатолем Франком, что он скандирует про себя чеканные строфы Вергилия на классической латыни или просто складывает очередные стихи.

Между тем все так и было. Возвращаясь мыслями в годы моего военного детства и послевоенного отрочества, каждый раз с удивлением вспоминаю, какой богатой и яркой духовной жизнью многие из нас росли вопреки условиям окружающего быта. В мыслях и чувствах давно ушедших людей, в образах и красках давно умерших культур мы находили удивительно живые и яркие противоядия житейским невзгодам, черпали силы, чтобы выжить, и не просто выжить - жить! Между тем взгляд ли кто из моих товарищей сверстников и сослуживцев помы бы, о чем мы говорили с Волковым при встречах в его келье, где интеллектуальный пир оказывался приравленным нескольким дождям постного винегрета, квашеной, только что с рынка капустой, половиной соленого огурца, отравной горькой картошкой с постным маслом и луком и по праздникам - стопкой водки. Чуть позже в наш обиход вошли пельмени, появившиеся в продаже, кусок тушеного с овощами мяса, однако главное заключалось в другом. Древний Восток, Египет, антиквизирующее средневекное, Индия, Ренессанс, русская история, живопись, поэзия, философия, религия - вот что занимало нас ум и воображение, что открывалось для меня по-новому и вновь, рождал множество вопросов, подталкивало желание все охватить, узнать и понять...

Но чаще разговор возвращался к нашему "серебряному веку", который расцвел, достиг своего апогея и был разрушен на глазах у моего учителя и собеседника.

Эта блестящая страница русской культуры была пред-

к уничтожению духовных семинарий и академий, поставивших не только кадры образованных священников, учителей, иерархов, ученых богословов, но и педагогов, получавших в их стенах прекрасное и широкое по тому времени образование. Перед учительскими семинариями и университетами у них было мало выбора преимуществ: своим выпускникам они привносили глубокие нравственные устои и взгляды, чего не делали и не могли делать светские учебные заведения.

Следующим сокрушительным ударом было повсеместное закрытие монастырей, захват, а часто и бессмысленное уничтожение масс художественных и культурных ценностей, драгоценнейших собраний национальных сокровищ России. Сжигали иконы и целые иконостасы, библиотеки, собрания рукописей, архивы. Как правило, захваченные монастырские комплексы превращались в тюрьмы, концлагеря и места массового уничтожения "чуждых элементов", среди которых последнее место занимали их прежние обитатели.

К началу 1920 года все, что напоминало о религии и Церкви - богослужебные книги, богословские сочинения, исторические исследования, жития, предметы и символы культуры, - подверглось изгнанию из широкого обращения и уничтожению.

Сейчас можно только догадываться, как именно это происходило и какие гигантские размеры приобрело, как отразилось на жизни общества и на конкретных судьбах сотен тысяч людей, представлявших духовную элиту России. Данные об этом процессе долгие десятилетия держали в строжайшем секрете. Отдельные работы исследователи приводили или заниженные на несколько порядков цифры, или старались обойти вопросы статистики. Но дело не в статистике, а в отсутствии представлений о том, чего мы оказались лишены.

Героическая, полная подвигам самоотвержения история служителей русской Церкви только еще предстоит привлечь внимание общества. Сейчас мы узнаем первые имена погибших, открываем первые книги огромной библиотеки, которую нам предстоит вновь собрать и прочесть. А вперед нас жлет яркий и неслыханный свет нравственных постулатов и понятий, оставленных в наследство предшественными поколениями. Идей, способ-

ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА-ОДУХОТВОРЕННОЕ ЧУДО

В настоящее время тряпичная кукла - живая форма художественного творчества. Ее развивают художники и мастера, любители народного искусства. Мягкая кукла экспонируется на выставках декоративно-прикладного искусства, используется в работах с детьми, продается в художественных салонах и на вернисажах.

Руководители студий, педагоги, художники и мастера видят сегодня в тряпичной кукле благодатный материал приобщения детей к традициям народной культуры. Однако ведущей пока остается тенденция сувенирности: большинство исполнителей кукол ориентировано на ее внешнее декоративное оформление - на костюм. В то время как эстетика народной тряпичной куклы и ее образное содержание гораздо глубже.

Еще менее полувек назад в каждой семье, в деревне и в городе дети играли тряпичными куклами. Эти уютные любимые вещицы у многих и теперь пробуждают самые теплые воспоминания

не такого уж давнего послевоенного детства. И только с 1960-х годов, когда промышленные предприятия начали выпускать миллионными тиражами игрушки из пластмассы, традиция изготовления домашней куклы почти угасла. Но не исчезла совсем, ухранившись в народной памяти.

В экспедициях по деревням и селам Архангельской, Калужской, Курской, Воронежской, Рязанской, Московской, Ярославской областей мы многое увидели и узнали от старожилов о тряпичной кукле.

Может ли развиваться достойно, без ухода в сувенирность этот вид народной игрушки? Практика последних лет показала, что традиция народной куклы оказалась удивительно жизнеспособной даже в условиях современного города. Опыт обращения специалистов Центра сергиевской традиционной культуры к эстетике народной тряпичной куклы имеет сегодня свои результаты. Можно с уверенностью сказать, что этот благодатный метод позволяет довольно

быстро вводить детей и взрослых в локальную художественную традицию, в мир народной культуры.

Эта кукла - антипод иностранке Барби, которая беспрепятственно царствует теперь на нашем рынке, в детских играх, на детских конкурсах. Даже музей игрушки откровенно рекламирует этот коммерческий продукт голого натурализма и технологии, развращающей юные души пороком влечением к потреблению. В этой связи примечательна реакция администрации Владимирского музея-заповедника, где в феврале этого года проходила Всероссийская выставка-конференция "Локальная ремесленная традиция в детском творчестве". После моего доклада о ценности национальной игрушки с критикой по адресу Барби на следующий же день был перекрыт зал, в котором экспонировалась эта мелкая ненасытная хищница среди своих роскошных интерьеров, машин, вил и ванн с бесчисленными туалетными и косметическими.

И хорошо, что в нашем городе краеведы поддерживают работу кружка "Народная кукла" и его руководителя Г. П. Осиненко. Работы имеют почти все девочки этого

Галина Петровна Осиненко - руководитель кружка "Народная кукла" Центра творчества детей и юношества

кружка. Можно понять, как же радость пережила Галина Петровна, когда, наконец, услышала, что некоторые ее ученицы заметно поостыли к Барби. Творчество - удивительное чудо! Только оно приносит созидательные плоды, слаще которых нет. Их живительный вкус способны ощутить и дети. Неслу-

чайно многие девочки не соглашались отдать свои избранные куклы даже на выставку. Устоять против такого соблазна сможет не всякий и взрослый художник. Как же притягательно то, что одухотворено!

Галина ДАЙН, искусствовед. Фото А. СЕВАСТЬЯНОВА.

Эти куклы сделали дети. Они очень красивые, яркие и оригинальные, не похожие друг на друга. Жаль, что наши снимки не цветные.

Краеведческий отдел Государственного историко-художественного музея-заповедника, литературно-объединение "Свиток" и Дворец культуры имени Ю. Гагарина

ПРИГЛАШАЮТ

любителей литературы на первый литературно-краеведческий вечер "СИНИЙ ПЛАТОЧЕК".

Свои стихи прочтут поэты Сергиева Посада Лидия Динулова, Вера Евдокимова, Людмила Кузовкина, Софья Солнцева.

Вы услышите песни в исполнении сергиево-посадских бардов

Станете болельщиками игры "Знаешь ли ты русскую классику?" (В соревнованиях примут участие поэты Наталья Мартишина, Мария Муравьева, Владимир Сосин).

Познакомитесь с однодневной выставкой кукол кружка "Народная кукла" Центра творчества детей и юношества.

Вечер состоится 17 СЕНТЯБРЯ

в Малом зале Дворца культуры им. Ю. Гагарина на выставке

"Загорчане в годы Великой Отечественной войны".

Начало в 15 часов.

Пригласительные билеты можно получить у дежурного ДК им. Гагарина (тел. 2-45-06) или в краеведческом отделе музея (тел. 4-92-07).

Наши планы

Во Дворце культуры им. Ю. Гагарина продолжается работа первая художественно-краеведческая выставка "Загорчане в годы Великой Отечественной войны". В сентябре на ней, кроме экскурсий, будут проводиться уроки истории (краеведения) на выставку-посадских школьников.

28 августа в Малом зале ДК им. Ю. Гагарина состоится семинар для учителей истории, краеведения и истории искусств. Начнется он в 10 часов. А 1 сентября мы приглашаем на выставку школьников.

После летних каникул вновь начнет работу краеведческий клуб "Хронос". Планируется проведение цикла встреч, первая из них намечена на 23 сентября. Перед сергиевопосадцами с лекцией "Культура Древней Руси" выступит академик, заслуженный профессор, преподаватель МГУ Борис Александрович Рыбаков.

Теперь о следующем номере "Краеведческого вестника". Как всегда, он выйдет в третью или четвертую субботу месяца. В нем вы прочтаете о загорском периоде жизни Александра Мена. В наш город его мама с детьми переехала в 1941 году. Александру было тогда 7 лет. Несколько материалов Вестника будут посвящены известному в городе преподавателю литературы, замечательному лектору А. С. Горловскому. Они приурочены к вечеру его памяти, который состоится в октябре, и ряд других материалов.

Звоните нам по телефону 4-92-07.

Краеведческий отдел историко-художественного музея-заповедника.

К нашим читателям

Друзья! Коллектив краеведческого отдела Государственного историко-художественного музея-заповедника с 1 января 1995 года работает над созданием экспозиции будущего краеведческого музея. Первым шагом в этом направлении стала выставка "Загорчане в годы Великой Отечественной войны", открывшаяся к 50-летию Победы в Малом зале Дворца культуры им. Гагарина.

Как известно, одной из важнейших задач наших сотрудников является собирательская работа, ведь деятельность любого музейного учреждения немалым без постоянного притока в его фонды новых поступлений. Наши фонды еще только создаются. Эту работу мы начали с нуля и поняли, что без вашей помощи, уважаемые земляки, хороший музей создать очень трудно.

Поэтому вновь и вновь мы обращаемся к вам с убедительной просьбой: не выбрасывайте старые вещи, особенно реликвийного характера. К ним относятся всевозможные натурные предметы (личные вещи, предметы быта, рабочие инструменты и т. п., подлинные фотографии, воспоминания, записанные на бумаге или магнитной ленте, документы, награды, рукописные или печатные труды старожилов, книги и т. д.).

Мы обращаемся не только к ветеранам, но и к их родственникам, друзьям, близким с убедительной просьбой спасти от неминуемой гибели еще удивительно уникальные музейные ценности, передавая их (в отдельных случаях за денежное вознаграждение) на постоянное хранение в Государственный историко-художественный музей-заповедник.

Эта просьба касается всех периодов истории нашего края, а не только ближайшей истории. Следите за постоянной рубрикой "Краеведческого вестника", которую мы назвали "Поиск".

Л. ГИРЛИНА, зав. краеведческим отделом музея-заповедника.

Поиск

Краеведческий отдел Государственного историко-художественного музея-заповедника, приобретет хорошо сохранившиеся орудия и предметы Великой Отечественной войны.

Нас интересует школьная и пионерская форма (для мальчиков и девочек) в хорошем состоянии.

Приобретем игрушки ваших детей, внуков и правнуков: кукол, коней из пластилина, "пеленашек", пищаля и т. д.

ЖДЕМ ВАС ПО АДРЕСУ: АПТЕКАРСКИЙ ПЕР., 2. НАШ ТЕЛЕФОН 4-92-07.

БЛАГОДАРИМ

Тамару Михайловну и Михаила Викторовича Киселевых за передачу в дар музею 5-томное издание "История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг."

Антонию Николаевичу Недошину за передачу в дар музею веинское стулья, угловый утюг, лотоканную дорожку и ряд других предметов городского быта.